

ДУША ВОЛОГДЫ. НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Знаменитый Литературный институт и его, не менее знаменитое, общежитие я, в молодости, обошла стороной. Друг отца, писатель Иван Федорович Попов сказал ему: «С её стихами она скорее всего поступит, но учиться там не сможет, слишком домашняя девочка. Или сопьётся, сгуляется, и вы её потеряете. Пусть попробует на русское отделение филологического факультета. В университете. Если есть поэтический дар, он сам выйдет на свет».

Одно время, в восьмидесятых, уже войдя в возраст, я вела в Литинституте творческий семинар, но чувствовала там себя чужой. Это ощущение отстранённости от мира, в котором жила и проявлялась, не мешало, но и не помогало.

Не помню когда, где, от кого впервые услышала о Рубцове. Его предтечи несли слух, что Рубцов из Вологды учится в Литинституте, живёт в общежитии. Вроде бы, на первый взгляд стихи его — ничего особенного, а поэт, каких мало. Работал в тралфлоте. Этого я предпочла бы не знать. В пору моей молодости мода на поэтов, «знающих жизнь не по книжкам» мне мешала. И раздражала.

— У тебя нет рабочей биографии. У станка не стояла. Сибирь не покоряла. Жизненного опыта никакого. О чём ты можешь писать стихи? — укоризненно сказал мне в издательстве «Молодая гвардия» редактор отдела поэзии Дмитрий Ковалёв, одарённый поэт, пришедший в литературу с производства. И привёл в пример поэтессу, бывшую когда-то грузчицей.

На языке вопросом вертелся ответ: «А Блок? Какая у него рабочая биография? А дипломат Тютчев? Что зарифмовал из той биографии? «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней»?

Промолчала. Блока и Тютчева тогда не очень жаловали, но ведь и у народного Некрасова рабочая биография была слабая: главный редактор и хозяин знаменитого в XIX веке журнала «Современник», барин, картёжник.

Тралфлот Рубцова произвел на меня унылое впечатление. Вот и сегодня, еду ли в деревню Николу, где он рос в унылом детдоме и учился в школе, подхожу ли в Вологде к его памятнику, где стоит с сиротским чемоданчиком невыразительная скучная фигура, читаю или слушаю рассказы о том, как его выгоняли из Литинститута, листаю ли неинтересные воспоминания о неинтересном человеке или отвращаюсь от подробностей, будоражащей душу его странной и страшной смерти — не могу отделаться от впечатления, что знала не того Рубцова, которого знали все, хотя и с тем была знакома.

Не помню когда, где, при каких обстоятельствах мы познакомились, оттого и кажется, что он был всегда. Никакого внимания на него не обращала. Стихов его не читала. Откуда взяла, что Рубцов пишет замечательные стихи? Вокруг всё чаще говорили.

Неизвестный фотохудожник.

Николай Рубцов.

1950-е годы.

Из собрания Вологодской областной универсальной научной библиотеки.

Худ. Г. Н. Бурмагина.

Деревня.

1970-е годы.

Из собрания Вологодской областной картинной галереи

Неизвестный фотохудожник.

Николай Рубцов.

1950-е годы.

Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.

Худ. Г. Н. Бурмагина.

Мальчишка в поле.

Иллюстрация к книге Н. М. Рубцова «Первый
снег».

Эскиз 1975 года.

Из собрания Ю. П. Малоземова.

Воспоминания вырисовываются последовательно.

Серый осенний (или весенний?) день. Возле Дома литераторов толпится народ. Пришли в кассу за билетами на зарубежный фильм. Это не писатели, те проходят в ресторан или в кафе мимо толпы, общаться. Подходит Рубцов. Знаю, что это он, хотя мы с ним ещё даже не разговаривали.

— Меня не пускают. Проведи.

— Ты пьян?

— Нет, — дыхнул. Запаха спиртного не было.

— Почему не пускают?

— Не знаю. Пропуска нет. Несолидный...

Какой уж там солидный. Маленький, щупленький, рано облысевший, весь съёженный, как будто от холода, хотя на улице тепло.

Провела. Внутри сразу распрявился, повеселел.

— До свидания, — повернул в сторону.

— Куда ты? Посидим, поговорим.

Зачем сказала? Никакого желания сидеть с ним в кафе нет, но почему-то испытываю неловкость, как будто должна. Чушь! Он такой серый.

— Нет. Ты красивая девка, а я от горшка два вершка. Ты, говорят, генеральская дочка, а я даже не титулярный советник. Скажи свой телефон.

Зачем ему мой телефон? Говорят, он сильно пьёт. Может пьяный ночью позвонить.

— Потеряешь.

— Скажи. Запишу. Не потеряю.

Записал. Пошёл. Посмотрела вслед. Почему-то подумала о Пушкине. Он тоже был невысок, но велик. Ну и сравнение! Этот плешивый, а у Пушкина — кудри. Тогда я не знала, что пушкинские кудри, запечатлённые Кипренским и растиражированные многими, был всего-то парик, о чём, встретив в театре Пушкина, обмахивавшегося париком, писал его современник Тургенев.

Рубцов звонил. Говорили подолгу. Начинили бессвязно, неуверенно, потом когда разговоримся — не остановишь. О чём?

Годы спустя Станислав Куняев спросил меня:

— Неужели это с тобой Николай часами говорил по телефону?

— Почему ты спрашиваешь?

— Когда мы собирались большой компанией, спорили, пили, Николай бывало вдруг, в начале разговора, поднимался и говорил: «Пошел звонить Ларисе». Мы были заинтригованы, какая Лариса? Никому и в голову не пришло, что это можешь быть ты.

В голосе Куняева звучало разочарование: загадочная Лариса оказалась всего-навсего мной. Могу его понять. Но сомневаюсь, что была другая Лариса. Впрочем была. В ранней юности. У Николая стихотворение есть про Ларису, прихорюдившую к нему в каптерку. Никакой связи.

Много лет прошло. Теперь понимаю, почему он любил говорить со мной по телефону. По ту сторону трубки был высок, силен, уверен в себе, раскован, смел. Разговаривал яркий человек, не смущавшийся никакими своими физически-

ми несовершенствами, умный, меткий, чрезвычайно наблюдательный. Его оценки были резки, жестки, точны.

Случайно встретила Николая на площади Пушкина, поворот с Тверского бульвара у старого дома, ныне снесённого, где было «Молочное кафе». Без телефона разговор не шёл. Я смотрела на него сверху вниз, длиннее была на голову.

— Из всех пишущих женщин предпочитаю тебя, — сказал он с явным сознанием, что говорит важное, совершенно мне необходимое.

Польстило.

— А я из всех пишущих мужчин — тебя.

Засмеялись. Разговор не вязался.

— Нет, лучше по телефону, — сказал Рубцов и разошлись.

Вышла в свет моя вторая книга стихотворений «Огневица». На одной её странице было стихотворение «Полдень».

*Окно раскрыто в завтра. На ступенях
крыльца сидит Николушка Рубцов.
Стакан зажат в руке, а на коленях
Обертки от зеленых леденцов.*

*Он встал, пошёл — чужой судьбе вдогонку
иль собственной судьбе наперерез,
глазами провожая пятитонку,
встречая взором поределый лес.*

*Хоть в нём ещё вчера не отпылало,
но завтра тихо брезжило уже,
и все, что я ему не рассказала,
теснясь, в моей туманилось душе,*

*и жгуче, будто от разлуки с братом,
волнение наплывало на глаза.
Асфальт чинили. Вперемежку с матом
звучал напев. Скрипели тормоза.*

Рубцов позвонил из Вологды:

— Почему ты называешь меня Николушкой?

— Не знаю. Так получилось. Не нравится?

— Нравится. Приятно. Как княжича из «Войны и мира».

— Там, кажется, Николенька. А само стихотворение — как?

— Не знаю... Грустно очень. Отпеваешь меня.

— Чепуха. Само стихотворение — как? Хорошее или плохое?

— Оно обо мне, что в нём может быть хорошего.

Хочу, кладу трубку. Николай — прелесть. Умница. Природный такт. Откуда берётся? Да всё оттуда, из северного родника жизни. Оттуда, где почерпнул Николай строки:

*В горнице моей светло,
Будто от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.*

Прочитала это стихотворение и в телефонном разговоре отчитываю.

Неизвестный фотохудожник.
Николай Рубцов в редакции газеты «Вологодский комсомолец».
Середина 1960-х годов.
Из собрания Вологодской областной универсальной научной библиотеки.

Худ. В. А. Сергеев.
Юноша в поле.
Иллюстрация к книге Н. М. Рубцова «Последний пароход».
Правая часть разворота «Поклонение цветку».
1973 год.
Из собрания Вологодской областной картинной галереи.

Неизвестный фотохудожник.
Николай Рубцов.
Конец 1960-х годов.
Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.

Неизвестный фотохудожник.
Участники поэтического семинара.
(Николай Рубцов второй справа).
Конец 1960-х годов.
Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.

Худ. Ю. А. Воронов.
Портрет Николая Рубцова.
1983 год.
Из собрания Вологодской областной картинной
галереи.

— Стихи безнравственные. Представь себе картину: лежишь, смотришь, как мать несёт ведро. И не шелохнёшься помочь ей. А лодку будешь для себя чинить. Делаешь, что хочешь, а не что должен. Типичная мужская структура. И слова «будет хлопотливый день» неточные. Слишком литературные для деревенского лентяя.

Он не сердится на мои придирки, но без ответа их не оставляет. Спокойно отвечает, что я права, в самом деле надо было поднести ведро матери, но у него её не было, оттого и чувства сыновние надуманы. А «хлопотливого дня» он мне не отдаёт. Да, слово литературное, но почему нельзя? Кто не велит? Книжно? И прекрасно. Он может мечтал бы стать книжным поэтом, да не вышел.

Последняя встреча была незадолго до его гибели. Случайная. На улице.

— Мне плохо жить, — помню, как будто слова сказаны минуту назад, — возьми меня в свою семью. Я буду, как ты говоришь, литбрат. Попишем вместе. Ты в одном углу, я — в другом. Меня дети любят.

Ответила неуверенно. Он свернул разговор. А я по сей день чувствую себя виноватой: если тогда взяла бы его к родителям, мужу, сыну.

Спустя годы, когда книга «Облако огня» вышла в свет и её прочитали вологодские писатели, Виктор Коротаяев встретил меня и зло сказал:

— Всё ты врёшь! Николай был гордый человек. Он не стал бы проситься к тебе в дом, как нищий.

Налетела на него коршуном, говоря, что это ему, бородатому собутыльнику и дружку Николай загордился бы жаловаться на жизнь и просить приютить, потому что он был для Николая обыденным явлением, а я совсем из другого мира, которого Рубцов не знал и, может, мечтал узнать.

— Что за мир такой? — глухо спросил Коротаяев.

Не стала объяснять то, о чём как-то в телефон сказал Николай: «Наши беседы — безвидные мечты. Ворота в другой мир».

По телефону он иногда расспрашивал о моей семье. Подробно о матери. Красавице с золотыми волосами. Ему нравилось, что она курит и гадает на картах. Рассказывала ему семейную легенду про бабушку из семьи графа Хмельницкого. Он слушал: «Надо же!».

Про отца расспрашивал. Не про танк «Т-34», а про рост его (1 метр 92 сантиметра), глаза синие-синие, голос — бас. Поёт — стекла дрожат: «Надо же!».

Попросил однажды: «Спроси отца, любил ли он Сталина».

Спросила. Записала. В шестидесятых я уже многое записывала. Николай, позвонив, не забыл напомнить, говорила ли я с отцом о вожде. Привожу разговор полностью.

— Ты любил Сталина?

— Я любил и люблю твою маму.

— А меня?

— Обожаю.

— Какая разница между «люблю» и «обожаю»?

— Сама определи. Ты же поэтесса.

Николай понял, что отец ушёл от ответа.

Удивлялся. Никогда не жила в коммуналке? В пионерском лагере не была? Жалеешь, что не была? Надо же! В народ хочется? Не спеши.

Приглашала в гости. «Непременно. Когда-нибудь». Чтож не позвала в дом, когда попросил? Семья моя приняла бы его. Мать многих принимала. Художник Валерий Вradiй по сей день мой друг, пришёл к нам в 1969 году, мать его опекала. Поэт Леня Губанов приходил вместе с художником Толей Зверевым. Измученные алкоголем, сидели, обедали, водки не просили, стеснялись моей бабушки, строгой и справедливой. Она плакала, когда Губанов читал стихи. Почему же Николаю отказала? Не знаю. Не понимаю. Коротаев не сообразил, такого не соврёшь, скорее спрячешь, чтобы никто не упрекнул. Да, что говорить — не вернёшь. Попросился, заметьте, при встрече — слабый. По телефону не поросился бы — сильный.

Больше всего мы говорили с ним о том, чего не перекажешь, хотя всё помню: о состоянии, когда, по Алексею К. Толстому, «натянутые струны между небом и землей». В тех разговорах наступал момент появления лермонтовского: «душа с душою говорит». Потом анализировала: со мной разговаривал не литбрат, не вологодский сирота и даже не большой русский поэт, а некий сильный, тонко организованный в чувствах и мыслях красивый, изящный, поэтичный мужчина, благополучный, всем интересующийся, хозяин жизни, вдохновенный и страстный, даже не могу найти ему аналога в каком-нибудь красавце-актёре, нашем ли, голливудском ли, но явственно представляю себе его. Летящий. Знающий свою силу. Такой, каким хотел быть. Такой, каким вижу его сквозь мало привлекательные фотографии. Всмотриваю — он просвечивает.

Его волновало, что мой муж — международник, специалист по Америке. Опять уехал к капиталистам? Нравилось, что говорю по-английски. Красивый язык, но узкий, как лезвие. Не соглашалась.

Его интересовала заграница, как нечто запретное, лакомое, но думать о ней и хотеть туда не позволяла та самая гордость, о которой говорил Коротаев. Высокий, красивый Рубцов в мечтах уже прошёл за границу и отверг её, потому что она ему не светила.

Смеялся над моими словами о том, что в нашем народе прочно соединены квасной патриотизм и подбострастие перед всем иностранным.

В его стихах сильный второй Рубцов видится мне рядом с первым. Неужели я одна так вижу его? Вот жалостливое стихотворение первого про аленький цветок, который он вырастил и нёс за гробом матери. Сам цветок — второй Рубцов, сильный, живучий, а несёт его — слабый. Или вот:

*Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.*

Наши телефонные разговоры всегда были призраками того Рубцова, которого никто не знал.

*Неизвестный фотохудожник.
Николай Рубцов.
Конец 1960-х годов.
Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.*

*Худ. Г. Н. Бурмагина.
Городок Вологда.
Иллюстрация к книге Н. М. Рубцова «Первый
снег».
Эскиз 1975 года.
Из собрания Ю. П. Малоземова.*

*О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!*

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!*

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные восходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..*

*Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.*

*И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей!..*

Ставшее хрестоматийным, это стихотворение, всего лишь сыновнее от «Лесного царя» Жуковского, а написано тем самым, вторым, сильным Рубцовым. Так ли?

Присматриваюсь к стиху и прозреваю в нём обоих Рубцовых, пишущих парафраз «Лесного царя»:

*Ездок погоняет, ездок доскакал.
В руках его мертвый младенец лежал.*

Предсказание себе самому: сильный Рубцов доскакал — слабый умер «в руках его». Сильный останется во времени — слабый будет сквозь него светить.

После его смерти стали приходиться ко мне стихи о нём. После смерти появился и третий Рубцов. Его канонизируют как «большого русского поэта», что первого Рубцова рассмешило бы, а второй — принял бы как должное. Но они сливаются.

Не вижу того, что видят другие, есенинского начала в Рубцове. Звучит в его стихах нота бездомного странника, бредущего по осенним полям огромного Отечества, навстречу большому, светлому, изящному, сильному, трезвому человеку, ожидающему у поворота дороги, чтобы слиться.

Разумеется, я не записывала наших разговоров по телефону — он ведь не ветеран войны был и не из царского времени человек, а мой современник (и я его). Смешно записывать. Всё же Бог дал мне в память изредка, словно из темноты проглядывать то, о чём говорили. Думаю, в этой книге еще будет возможность рассказать. Хотя...

Мы не договаривались не разглашать наших разговоров. Но думаю, оба были уверены, что они принадлежат только нам. Вот и думаю, нужно бы поменьше, поосторожнее, поаккуратнее вспоминать это телефонное приключение.

Промелькнуло: ему нравилось, что есть женщина, которую зовут Генриетта. Даже две Генриетты. И обе к нему неравнодушны.

Неизвестный фотохудожник.
Николай Рубцов.

Начало 1960-х годов.

Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.

Худ. В. А. Сергеев.
Вологда.

Иллюстрация к книге Н. М. Рубцова «Последний пароход».

1973 год.

Из собрания Вологодской областной картинной галереи.

